

О. В. Лысенко

Этномузеологический проект «Славяне Восточной Европы» – тридцать лет спустя

Лысенко Олег Викторович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; n_lysenko@mail.ru

Проблема преемственности всегда присутствует в исследованиях этномузеологического наследия. Значение преемственности как научного, историко-культурного и социального феномена не менее актуально, чем значение понятия традиции в осмыслении причин деформации этнокультурного ландшафта не как урбанистической проблемы, а как вопроса «мутаций» сознания нашего современника, теряющего навыки исторического мышления. Для Российского этнографического музея, органично вписанного в историю России, преемственность может стать актуальной стратегией его развития. В докладе линия преемственности рассматривается в 30-летней перспективе экспозиционной деятельности музея и концептуальных положений проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (1992).

Ключевые слова: этномузеологическое наследие, этнографическое источниковедение, историческая память, этническая идентичность, история славян, этнографические музеи.

Незнание элементарных сущностей вещей порождает ложные доктрины. Смысл этой фразы будет по-разному понят в зависимости от места и времени. В музейном сообществе он приобретает особое значение, тем более в год двойного юбилея – 120-летия Российского этнографического музея (далее РЭМ) и 100-летия образования СССР. Большие юбилеи, уходя за горизонт, живут в ритме дискретных событий, складываясь в хронологии и исторические периодизации. Это особая форма исторического мышления – перебирать четки памяти, завязывая узелки на событиях прошлого. Начавшаяся 120 лет назад активная музейная деятельность Этнографического отдела (далее ЭО), через 20 лет была прерва-

на революцией и войной. Во внутренней жизни музея произошли изменения, коснувшиеся самого главного – не научной доктрины (что само собой разумеется, это произойдет естественным путем позже), а преемственности как естественного механизма развития, обеспечивающей непрерывность исторического процесса и существования социума как живого организма.

На новом витке истории мы обнаруживаем метафизические смыслы в прошедших событиях. «Символический ритуал» учреждения в 1895 г. Русского музея императора Александра III противопоставил революционности грядущих десятилетий естественную историю России, идею преемственности. Эта идея выявляет бесплодность любой «всеобщей» революции, любой попытки разом изменить общество и начать историю заново. Последнее с очевидностью прослеживаются в нарастающем современном конфликте традиционных ценностей и «культуры отмен», амбициозной агрессии дискурса некомпетентности¹. Эта ситуация хорошо известна и описана, что не мешает ей регулярно повторяться. Еще в начале прошлого века, размышляя о преемственности в контексте европейских революций и национально-освободительных движений накануне расцвета фашизма в Европе, испанский философ, воспитанник колледжа отцов-иезуитов, Хосе Ортега-и-Гассет, предупреждая нас, писал: «Революции, безоглядные в своей нетерпеливой спешке, лицемерно щедрые на обещания всевозможных прав, попирают первейшее право человека, настолько первейшее, что оно определяет человеческую сущность – право на непрерывность, на преемственность. Единственное коренное отличие естественной истории от человеческой в том, что последняя не может начинаться заново... Преемственность – это право человека, это дань уважения всему, что отличает его от животного»².

Разумеется, мы можем найти не менее эмоционально окрашенные оценки и у русских мыслителей, таких как Пителим Сорокин, причислявшим революцию к трем социальным бедствиям – эпидемии, голоду и войне, свидетелем которых он был в России до его вынужденной эмиграции в 1922 г. Однако, следует помнить, что в русском сознании события революции и Гражданской войны – это область коллективной памяти³ и одновременно персонифицированный опыт переживаний, сохранившийся в личных архивах и публикациях, который не прошел мимо и сотрудников музея.

В докладе линия преемственности рассматривается в 30-летней перспективе экспозиционной деятельности музея и концептуальных положений проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (1992)⁴. В год 100-летнего юбилея музея в докладах Первых этнографических Санкт-Петербургских

чтений отмечалось, что выставка «задуманная как краткосрочная (на 3 месяца) ... просуществовала 10 лет и по-прежнему занимает одно из центральных мест в экспозициях музея»⁵, «до сих пор пользуется неизменной популярностью у посетителей»⁶. В 2003 г. ее сменил «Парад народов», выстроенный к 300-летию юбилею основания Санкт-Петербурга.

Отдавая приоритеты в этномузеологических исследованиях дескриптивной этнографии и аналитической этнологии, необходимо помнить и о цикличности истории, и о природе музейной деятельности, в основе которой лежит концепт «вечного возвращения». В этом смысле идея «славянского проекта» имманентно присутствует в дискурсе РЭМ, будь то времена Российской империи, Советского Союза⁷ или современной России.

Славянские коллекции даже без учета их «русской» составляющей остаются самыми многочисленными в музейном собрании. Интересно и то, как началось их комплектование: как только стало известно о создании ЭО, Ф.К. Волков в ноябре 1903 г. написал из Львова директору ЭО Д.К. Клеменцу о необходимости срочных сборов, «так как многие этнографические предметы собирали и вывозили американские промышленники»⁸. Так начали формироваться коллекции по русинам, гуцулам, бойкам и другим этническим группам населения Карпат. Эти материалы, приобретенные на деньги музея во время этнографических экспедиций 1903–1907 гг., составили «Галицийскую выставку» 1915 г.⁹ Открытие прошло на Пасхальной неделе накануне русского наступления на Перемышль. Это была первая и последняя совместная выставка Ф.К. Волкова, Н.М. Могилянского и А.К. Сержпутовского – сотрудников музея, собравших наиболее значительные коллекции по восточным славянам¹⁰. Наступали смутные времена войны и революции. В советский период этот важный для музея научно-экспозиционный опыт был забыт.

В 1992 г. преемственность была восстановлена, материалы и этнографические описания «Галицийской выставки» органично вошли в раздел новой экспозиции.

Проект, как научно-исследовательский и экспозиционно-выставочный эксперимент, возник в момент распада Советского Союза. Открывшаяся 1 июля 1992 г. выставка пришла на смену идеологически обоснованной, или, как сказали бы в наши дни, концептуально выстроенной экспозиции ГМЭ народов СССР «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» (1969)¹¹. Это выставка входила в целый блок обобщающих экспозиций¹², составляющих идеологическое ядро концепции развития музея на последнем этапе СССР¹³.

В осуществлении проекта на практике важную роль сыграл научно-экспозиционный опыт выставки «Полесье – архаичные зоны славянского мира» (1990). На примере локальной традиции были сформулированы музееведческие аспекты изучения и репрезентации этнокультурного пространства, включающие новую для музея тему экологии культуры. Инновационным элементом был и успешный эксперимент по интеграции в этномузеологический проект коллектива клуба ручного ткачества «Параскева» (1991) по программе «Исследования в области архаичных форм текстиля». В целом, концепция проекта учитывала актуальные в 1970–1980 гг. научные подходы и методы в описании артефактов и этнокультурных феноменов, в чем, несмотря на изменение идеологического контекста, проявилась преемственность. Приоритеты были обозначены прежде всего в области исследования архаичных форм культуры¹⁴ и комплексного изучения системы жизнеобеспечения этноса¹⁵ с учетом междисциплинарного подхода.

В наши дни идеи проекта получили продолжение уже в формате мультимедийной программы «Этнокультурные параллели в традициях народов Белоруссии, Украины и России» (2021), в научно-исследовательской теме «Этнокультурные ареалы Восточной Европы в этномузеологическом измерении», ориентированной на подготовку новой экспозиции музея.

Проблема преемственности всегда присутствует в исследованиях этномузеологического наследия. Ее значение как научного, историко-культурного и социального феномена не менее актуально, чем значение понятия традиции в осмыслении причин деформации этнокультурного ландшафта не как урбанистической проблемы, а как изменений сознания нашего современника, теряющего навыки исторического мышления. Для РЭМ, органично вписанного в историю России, преемственность может стать актуальной в стратегии его развития.

¹ «Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, отличаться – неприлично»//Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс/Пер. А.М. Гелескула, 1991. URL: <http://www.philosophy.ru/library/ortega/vosst.html>

² Хосе Ортега-и-Гассет. Из предисловия к французскому изданию «Восстания масс»//Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gasset/v_gusch.php

³ В этнокультурных традициях практически у всех народов существовали ритуалы бедствий, коллективные формы ритуального поведения

в экстремальных ситуациях как способ восстановления баланса, диалога с миром стихии. В славянской традиции это тщательно описанные фольклористами и этнографами окказиональные обряды защиты посевов от засухи, градобитья, пожаров, моровых поветрий, наводнений и прочих природных аномалий.

⁴ Лысенко О. В. Выставка «Славяне Восточной Европы» как модель концептуальной экспозиции: вещь в музейном и этнокультурном пространствах//Материалы по этнографии. Т. III: Народы Белоруссии, Украины, Молдавии. СПб., 2010. С. 259–306.

⁵ Он же. Исчезающее пространство музея (к 10-летию проекта «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве»)//Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 50.

⁶ Прокопьева Н. Н. Принцип комплектования костюмов к выставке «Славяне Восточной Европы: человек в этнокультурном пространстве» (севернорусской и полесский регионы)//Там же. С. 153.

⁷ Первая послевоенная выставка – «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» (1945–1948)//Российский этнографический музей 1902–2002: Альбом. СПб., 2001. С. 50.

⁸ АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 73. Л. 101.

⁹ Лысенко О. В. «Галицийская выставка» 1915 г. в Этнографическом отделе Русского музея: деформация этнокультурной среды в свете этномузеологического наследия//Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию революции 1917 года в России): Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2017. С. 329–334.

¹⁰ Лысенко О. В., Прокопьева Н. Н. Коллекция и собиратель: этнографическая реальность и ее интерпретация//Живая старина. 1998. № 3. С. 17–21.

¹¹ Станюкович Т. В., Чистов К. В. Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР»//Советская этнография. 1970. № 1. С. 159–163.

¹² «СССР – братский союз равноправных народов» (Б. З. Гамбург); «Современное народное искусство СССР» (Н. М. Хазова); «Новое и традиционное в современном народном жилище и одежде» (Е. Н. Студенецкая, А. С. Морозова); «Современные обряды и праздники народов СССР» (Э. С. Яглинская, В. М. Грусман)//Российский этнографический музей 1902–2002: Альбом. СПб., 2001. С. 55.

¹³ Баранова И. И. Показ современности в ГМЭ народов СССР//Советская этнография. 1981. № 2. С. 25–35.

¹⁴ Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры: Материалы дискуссии//Советская этнография. 1984. № 3. С. 51–63; № 4. С. 64–80.

¹⁵ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции//Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96; Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»//Советская этнография. № 3. С. 45–78.

O. V. Lysenko

“The Slavs of Eastern Europe”: an Ethnic
and Museum Studies Project Thirty Years Later

Lysenko Oleg Viktorovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Eastern, South-eastern and Central Europe, leading research fellow, Ph. D. (History); n_lysenko@mail.ru

Any research of ethnic and museum study heritage necessarily involves the issue of succession. The significance of succession as a scientific, culture and history, and social phenomenon is no less topical than the significance of the “tradition” concept for understanding the reasons for ethnic culture landscape deformation not as an urban planning issue but as an issue of “mutation” of a modern man’s consciousness and loss of the ability to think historically. For The Russian Museum of Ethnography, a natural extension of the Russian history, succession may become a relevant development strategy. The paper deals with succession from the point of view of the museum’s 30 years long exposition history, along with conceptual principles of the project called the Slavs of Eastern Europe: Man in Ethnocultural Space (1992).

Keywords: ethnomuseological heritage, ethnographic source studies, historical memory, ethnic identity, history of the Slavs, ethnographic museums.